

УДК 338(571)(09)

ББК 65.03

DOI [10.17150/2308-2588.2015.16\(4\).765-776](https://doi.org/10.17150/2308-2588.2015.16(4).765-776)

Д. Я. Майдачевский

*Байкальский государственный университет
экономики и права,
г. Иркутск, Российская Федерация*

«МОНОГРАФИЧЕСКАЯ» ИСТОРИЯ СИБИРСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ Н. Н. КОЗЬМИНА

Аннотация. Статья предваряет публикацию на страницах журнала работы Николая Николаевича Козьмина (1872–1938) «История сибирской промышленности и ее изучение» (1928 г.), определяя место последней не только в интеллектуальной биографии автора, но и в рамках предпринятого во второй половине 1920-х годов масштабного исследовательского проекта изучения экономической истории отдельного промышленного предприятия.

Ключевые слова. История бизнеса, Н. Н. Козьмин, экономическая история отдельного предприятия, экономическая историография.

D. Ya. Maidachevsky

*Baikal State University of Economics and Law,
Irkutsk, Russian Federation*

«MONOGRAPHIC» HISTORY OF SIBERIAN INDUSTRY BY N. N. KOZMIN

Abstract. This article is an introduction to the publication of «The History of Siberian Industry and its Research» (1928) by Nikolay Nikolayevich Kozmin (1872–1938) in this Journal. The introduction describes the role that this work plays not only in its author's intellectual biography, but also within the framework of a large-scale research project to study the economic history of a separate industrial enterprise undertaken in the second half of 1920s.

Keywords. Business history, N. N. Kozmin, economic history of a separate enterprise, economic historiography.

...не так уж трудно описать то, что видишь; куда труднее увидеть то, что нужно описать.

ЛЮСЬЕН ФЕВР

О весьма скромной по размерам статье 1928 г. «История сибирской промышленности и ее изучение» считает своим долгом упомянуть автор едва ли не каждой работы, посвященной жизненному пути и научному наследию сибирского историка Николая Николаевича Козьмина (1872–1938). Упоминания эти оставляют, однако, ощущение во многом случайного, а порой и просто вызванного стечением внешних обстоятельств, появления этой публикации. Будучи историком широкого профиля, считает, например, А. Н. Решетов, Козьмин был не чужд составлению библиографических и историографических обзоров по отдельным попавшим в круг его интересов или обретшим актуальность проблемам [13, с. 90]. Его мысль буквально подхватывает и развивает Ю. В. Кузьмин, полагающий, что создание обзора истории сибирской промышленности стало реакцией на план исторической секции Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества (ВСОРО) по систематическому изучению экономики Восточной Сибири [6, с. 179]. Подобный – историографический, но не историко-научный – подход игнорирует, однако, не только факт непосредственной вовлеченности Н. Н. Козьмина в процесс выполнения этих (выработанных, заметим, при его непосредственном участии) планов или само содержание предпринятого указанной научной институцией исследовательского проекта. Вне поля зрения, что более важно, оказывается «логический стиль» (Д. М. Петрушевский) или «порядок исследований» (Л. Февр) исторической науки, приверженцем и проводником которого ученый выступал на протяжении всего своего творческого пути.

Подмеченные современной историографией попытки пересмотра Н. Н. Козьминым сложившихся в

исторической науке подходов и схем, поиска новых путей в развитии методологии исторического познания, новой его модели¹, не нашли пока, к сожалению, своего исследователя. Поэтому, отсылая читателя к публикациям, специально посвященным проекту монографического изучения местной промышленности, выработавшимся исследовательским программам и ходу их реализации исторической секцией ВСОРО [7; 8], в данной вступительной заметке коснемся оставшегося — в силу нацеленности автора на решение иных задач — в тени последних. Но неизбежно переместившегося на передний план, как только внимание сконцентрировалось на Н.Н. Козьмине и его работе, а именно — «боях за историю», которые вел пытавшийся преодолеть традиционный и устаревший, на его взгляд, порядок, или строй, исторических исследований сибирский ученый на полях самых разнообразных проблемных областей. На сей раз «полем боя» стала исследовательская область истории местных промышленных предприятий и, думается, ученый счел бы исход очередного сражения локальной, но победой, а небольшую свою статью с «большим» названием — «История сибирской промышленности и ее изучение» — поставил в ряд тех, что «дают что-нибудь новое» для истории. (Хотя не без горечи вынужден был бы вновь констатировать, что извлекла та из нее лишь «второстепенное» [12, с. 267].)

Мы говорим только о прикосновении к указанной теме потому, что лишь незначительная часть исторического (и в этом смысле этнографии, монголоведению и шире — востоковедению повезло куда больше) наследия ученого, разбросанного по сибирской периферии, и по сей день даже не выявленного библиогра-

¹ Укажем на один только факт упоминания работы Н. Н. Козьмина «Исторический метод исследования» (Красноярск, 1914) в одном ряду с трудами Р. Ю. Виппера, А. С. Лапшо-Данилевского, Г. Г. Шпета, Д. М. Петрушевского [16, с. 654].

фией, доступна исследователям. Но и эти его крупницы позволяют со всей определенностью утверждать, что с первых своих шагов в статусе профессионального историка — хотя творческой активности выпускника историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета 1896 г. долгое время и суждено было реализоваться за рамками отсутствовавших в Восточной Сибири научных и образовательных исторических институций — Н. Н. Козьмин выступил оппонентом не только «провинциальной» историографии, провинциального историописания, но и нормативного исторического знания.

На страницах местной периодики он критикует провинциальных любителей истории за их тягу к сбору фактов, разысканию и опубликованию любопытных, курьезных исторических документов о провинциальной жизни, то есть за то, что современная историография обозначает как антикварный подход к истории. «Если дело идет о научной работе, то стало давно аксиомой, что собирание сырого научного материала может быть продуктивным и получать значение лишь в руках образованного человека. Есть много любителей и охотников до разных монстров, раритетов и антикварных вещиц, но они к науке и ее успехам имеют лишь случайное отношение. Нет, если провинция желает иметь не фиктивное, не случайное участие в научной жизни, она должна покинуть это антикварное убеждение, что она может обойтись без строгой, систематической научной работы... и ограничиться фантастической отправкой корзин, наполненных раритетами и курьезитетами...» [15].

Осуществляя критический разбор другого подобного сочинения, Н. Н. Козьмин даже озаглавит свою заметку «Несколько слов о научном знании». В ее тексте он не только упрекает автора в слабом знакомстве с литературой вопроса, позволяя себе «каламбур»: «Сибирская история имеет уже... свою историю, как всякая

другая отрасль исторического знания», но и терпеливо объясняет ему и читателю, что пересказ исторических документов не имеет ничего общего с их научным изучением: «Краткое изложение содержания актов, хранящихся в каком-либо хранилище, имеет, конечно, большое научное значение, как описание актов, хранящихся там-то, как каталог, но до анализа при этом еще далеко!..» [14].

Не отрицая важности работы по накоплению фактических материалов и их предварительной систематизации, ученый и профессиональных историков предупреждает об опасности ее превращения в «спорт коллекционирования», или «случайного накопления материалов», не имеющего отношения к научному решению задач, стоящих перед любой отраслью знания. Призывая историков отказаться от привычного, но уже устаревшего «порядка исследований», он настаивает: научная работа с первых ее шагов, начального ее этапа должна «освещаться обобщающей мыслью», пускай это всего лишь «вспышки молнии» — «интересные сближения, ценные аналогии, счастливые догадки». Формирующая исходные посылки, такая «обобщающая работа не может претендовать на научную безукоризненность, но она может дать указания на существующие пробелы в накопленных материалах, наметить кое-какие ближайшие задачи для исследователей и вызвать сознательный интерес к определенно поставленным проблемам» [4, с. 95–96].

И в этой связи следует особо оттенить мысль Н. Н. Козьмина о том, что «освещаться обобщающей мыслью» — отнюдь не прерогатива работ, которые он не совсем удачно также именуется «обобщающими», а точнее — работ целостных, тотальных «историй», охватывающих длинные периоды. Соглашаясь с мнением исследователей, полагающих, что время таких изучений (применительно к истории Сибири) еще не пришло, он не просто отдает приоритет монографической

разработке истории, но настаивает, что уменьшение масштаба исторических исследований не превращает последние в описательные и менее аналитические. В силу чего монографии, которые часто «стоят много-томной “истории”» [4, с. 81], также нуждаются в схеме, или обобщающей мысли. При этом новизна предлагаемой ученым модели исторического познания состоит и в том, что посылки исторических реконструкций не обязательно должны вырабатываться в собственной, исторической лаборатории (на чем будет настаивать, например, Д. М. Петрушевский [11]), а могут формулироваться с учетом достижений всего корпуса социально-гуманитарного знания, основываться на наблюдениях историка, опираться на его опыт.

Не в разряд проблемной историографии (или библиографии), поэтому, следует относить публикуемую ниже статью Н. Н. Козьмина; она — даже не просто призыв к смене традиционной схемы исторического исследования, когда осмысление фактов следует за их накоплением, но наглядный образец «обобщающей работы», дающей «канву», или «трафарет», как предпочитает называть ее сам исследователь, который еще только предстоит заполнить при тщательной проработке деталей будущим историкам. Свою лепту в дело актуализации подобного рода обобщающих работ вносят как меняющийся характер развития науки, появляющиеся в нем в XX столетии новые черты, так и страновые социально-экономические и политические условия. Отечественная историческая наука, по мнению ученого, будет все более остро нуждаться в обобщающих работах для планомерной организации коллективных исследований [5, с. 256] — одним из первых опытов каковых и суждено было стать проекту монографического изучения истории местной промышленности.

Адресованная в первую очередь непосредственным его исполнителям, которых Н. Н. Козьмин в ка-

честве «научного руководителя» исследовательского коллектива призван был консультировать, обсуждая планы предстоящих работ, их ход и результаты, статья интересна нам в нескольких отношениях. Прежде всего, очевидным приоритетом, отданным в разработке исторической темы экономическому подходу. Причем последний не выступает простым следствием избранного объекта изучения — отдельного промышленного предприятия как хозяйственной организации, а вытекает из рассмотрения таковой частью региональной социально-экономической системы. Отсутствие сплошных естественных путей сообщения «долготного направления» заставляла Сибирь, пишет Н. Н. Козьмин, «замыкаться в пределах ограниченной продукции наиболее рентабельных производств», что, в свою очередь, принуждало капитал фактически ограничиться построением «товаропроводящей сети». Как результат, «разница в обрацаемости капитала, вложенного в торговое предприятие, и капитала, вложенного в промышленное предприятие, была чересчур значительна, не в пользу, конечно, промышленного. То же самое можно сказать об организационных расходах и размере риска». Именно «местная географическая и экономическая обстановка», и в этом также обнаруживаются несомненный интерес и актуальность работы, заставляли, по мнению исследователя, искавший возможности для включения промышленной сферы в процессы накопления торговый капитал, действуя методом проб и ошибок, «нащупывать» способы для этого в плоскости организации деловых предприятий, бизнеса [3, с. 81–82].

Не менее интересна статья и реакцией на ее появление и предложенную в ней схему исторических исследований, непосредственных участников проекта, а также возникшим противостоянием, если не сказать конфликтом, внутри творческого коллектива, оставшимся незамеченным лишь благодаря начавшимся в

науке организационным преобразованиям. «Графариетом Козьмина», или его выводом о формировании в Сибири специфической формы организации делового предприятия – «комбината торгово-промышленного типа», воспользовалась для организации эмпирического исторического материала лишь Мария Константиновна Одинцова (1884-1972), что достаточно наглядно демонстрирует ее статья, опубликованная на страницах того же тома «Известий ВСОРГО» [10]. Напротив, решительным противником всяческих априорных схем выступил Владимир Сергеевич Манасеин (1878–1938), настаивавший, что «...задача историка этой [фабрично-заводской] промышленности пока должна заключаться лишь в кропотливом собирании и критической проверке исторических фактов. Не имея самых необходимых первичных сведений, представляется в достаточной степени рискованным высказывать какие-либо заключения об общем ходе развития сибирской обрабатывающей промышленности... Встречающиеся же в литературе попытки подобного рода являются необоснованными на исторических фактах и поэтому не имеющими с исторической точки зрения никакой цены» [9, с. 36].

Научному, а точнее – методологическому, противостоянию доведется вырваться за узкие рамки научных публикаций и дискуссий на заседаниях исторической секции ВСОРГО, когда некоторые ее члены предпочтут делу разработки сухого, а порой и сложного для понимания, материала, характеризующего производственную, торговую или финансовую сторону функционирования сибирских «торгово-промышленных комбинатов», живую работу по «поиску исторического камня». Именно такими словами охарактеризует инициированные ими (а одним из активнейших сторонников нового «проекта» стал упомянутый выше В.С. Манасеин) археологические разыскания места расположения Иркутского острога скрывший

свое имя за псевдонимом «Вудро» корреспондент местной газеты «Власть труда» [1]. Последний встал на защиту программы изучения истории местной промышленности от конкурирующей и теснящей ее программы «археологической»: «Мы считаем малосущественным — на двести метров выше или ниже по Иркуту — Ангаре началась постройка. Со всей трезвостью ума мы продумали обе гипотезы и разницы в отражении их решения на истории Сибири и даже нашего города не видим» [2].

Иное дело — история местной промышленности, которая только в представлении далеких от подлинной науки «собирателей» никуда не денется. «Не беда, — рассуждают они, — что стираются знаки, ветшают и строятся стены, меняется оборудование, способы производства, организация труда, облик рабочей массы, быт. Вырастает новое лицо промышленности, старое расплывается во времени. Из забвения встает легенда, быль, песня..., гремят кандалы, стонут подневольные приписные люди, воют засекаемые кнутами беглецы... . Легенда воскрешает быль. Факты исчезают. Из полуистлевших архивных листов раз-два еще выглянет подлинная история, хищно щелкнет зубами старый хозяин Хайты Перевалов, жадно сощурит полукалмыцкие глаза Щелкунов, порыжевшие буквы отразят гул неорганизованной забастовки, обманом завезенных на копи казанских татар... Десяток лет, другой... и не станет исторического факта. Легенды и сказки соберут этнографы и фольклористы, отпечатают в сборнике “Мертвое новое” или “Живое старое” — все равно. Историк, истекая седьмым потом, будет пытаться восстановить историю, мимо которой прошли современные собиратели-исследователи в азарте поисков камня — pupa нашего богатого культурными силами города» [1].

Не только, впрочем, своими возможными результатами — исторической и «более или менее диковин-

ным экземпляром», способным разве что пополнить забытые теперь «кунсткамеры», художественной реконструкции — проекты отличались друг от друга. За вторым из них — в качестве основного объекта критики, своим содержанием и формой не оставлявшей сомнений в ее авторстве или первоисточнике — скрывался все тот же «краеведческий» подход к изучению местной истории, а также его поощряющая деятельность исторической секции ВСОРГО. Институты, берущейся за новые работы, не завершив начатых, и тем культивирующей «дилетантскую страсть к научной многогранности» своих членов, уводящую прочь от научной специализации. Критика не имела, конечно же, шанса на успех в условиях, когда уже был взят курс на «онаучивание масс» и ставка была сделана не на «интеллигентские», а на «рабоче-крестьянские» силы, которым в кратчайшие сроки предстояло стать «армией рядовых научных работников», на краеведческой практике овладевавших методами научного познания. Не поставив точки в проекте монографического изучения истории фабрик и заводов, она поставила таковую лишь в деле участия в нем профессора Николая Николаевича Козьмина.

Список использованной литературы

1. Вудро. Исследование большой важности // Власть труда (Иркутск). -1928. — 28 июня.
2. Вудро. По существу вопроса // Власть труда (Иркутск). — 1928. — 18 июля.
3. Козьмин Н. Н. История сибирской промышленности и ее изучение / Н. Н. Козьмин // Изв. Вост.-Сиб. отд. Рус. геогр. о-ва. — Иркутск, 1928. — Т. 53. — С. 81–84.
4. Козьмин Н. Н. Источники для изучения истории Минусинского края / Н. Н. Козьмин // Сибирские записки (Красноярск). — 1917. — № 3. — С. 81–96.
5. Козьмин Н. Н. Новое в сибирской истории / Н. Н. Козьмин // Сибирские огни. — 1927. — № 3. — С. 252–256. — Рец. на кн. : Бахрушин С. В. Андрей Федорович Палицын (Русский интеллигент XVII в.) // Века : сб. — Пг., 1924 ; его же.

Торги гостя Никитина в Сибири и Китае // Тр. Ин-та истории РАНИОН. — Вып. 1. — М., 1926.

6. Кузьмин Ю. В. Профессор Н. Н. Козьмин: историк, экономист и общественный деятель (1872–1938): основные направления научной деятельности / Ю. В. Кузьмин // Вторые университетские социально-гуманитарные чтения 2008 г. : материалы. — Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2008. — С. 169–184.

7. Майдачевский Д. Я. Историко-экономическое изучение Прибайкалья: история исследований и идей / Д. Я. Майдачевский. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2006. — С. 110–153.

8. Майдачевский Д. Я. История предпринимательства в России: регионализация исследовательской активности, 1920-е годы / Д. Я. Майдачевский // Индустриальное наследие : сб. материалов Междунар. науч. конф., г. Саранск, 23–25 июня 2005 г. — Саранск, 2005. — С. 313–317.

9. Манассеин В. С. Тельминская фабрика. Материалы для истории развития фабрично-заводской промышленности в В. Сибири в XVIII-м и первой половине XIX-го столетия / В. С. Манассеин // Изв. Вост.-Сиб. отд. Рус. геогр. о-ва. — Иркутск, 1928. — Т. 54. — С. 3–36.

10. Одинцова М. К. Из истории промышленного капитализма в Сибири. Тельминский промышленный комбинат во второй половине XIX века / М. К. Одинцова // Изв. Вост.-Сиб. отд. Рус. геогр. о-ва. — Иркутск, 1928. — Т. 53. — С. 85–93.

11. Петрушевский Д. М. К вопросу о логическом стиле исторической науки / Д. М. Петрушевский. — Пг., 1915. — 21 с.

12. Письма ученых-сибиреведов и писателей М. К. Азадовскому : Н. Н. Козьмин — Азадовскому // Литературное наследство Сибири. Т. 1 / редкол. : Н. Н. Яновский (гл. ред.) и др. — Новосибирск : Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1969. — С. 264–272.

13. Решетов А. Н. Николай Николаевич Козьмин: основные направления научной деятельности / А. Н. Решетов // Репрессированные этнографы / сост. и отв. ред. Д. Д. Тумаркин. — М., 1999. [Вып. 1]. — С. 81–100.

14. С-ль. [Козьмин Н. Н.]. Несколько слов о научном знании / [Н. Н. Козьмин] // Восточное обозрение. — 1897. — 28 мая. — С. 2. — Рец. на кн. : Ионин А. А. Новые данные к истории Восточной Сибири XVII века (г. Иркутска, Иркутского Вознесенского монастыря, Якутской области и Забайкалья) : по неизд. материалам Вост.-Сиб. отд. Имп. рус. геогр. о-ва, а также и др. архивным источникам : с прил. многих подлинных актов, грамот и литогр. снимками некоторых автогр. из них // Изв. Вост.-Сиб. отд. Имп. рус. геогр. о-ва. — Иркутск, 1895. — Т. 26, № 1–3. — С. 1–230.

15. С-ль. [Козьмин Н. Н.]. Библиография / [Н. Н. Козьмин] // Восточное обозрение. — 1897. — 29 янв. — С. 4. — Рец. на кн. : Иркутские архипастыри и викарии иркутской епархии. — Иркутск, 1896 ; Бакай Н. Историко-географические материалы, относящиеся до Якутской области во второй четверти XVIII в. // Изв. Вост.-Сиб. отд. Имп. рус. геогр. о-ва. — Иркутск, 1895. — Т. 25, № 4-5. — С. 82-94.

16. Янин В. Л. История / В. Л. Янин, В. А. Муравьев, И. Л. Беленький // Отечественная история: энциклопедия : в 5 т. : Т. 2 : Д-К / редкол. : В. Л. Янин (гл. ред.) и др. — М. : Большая Российская энциклопедия, 1996. — С. 651-655.

Информация об авторе

Майдачевский Дмитрий Ярославович — кандидат экономических наук, доцент, кафедра истории и международных отношений, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: maid1960@mail.ru.

Author

Maidachevsky Dmitry Yaroslavovich — Ph.D. in Economics, Associate Professor, Department of the History and International Relations, Baikal State University of Economics and Law, 11, Lenin str., Irkutsk, 664003, Russian Federation, e-mail: maid1960@mail.ru.

Библиографическое описание статьи

Майдачевский Д. Я. «Монографическая» история сибирской промышленности Н. Н. Козьмина / Д. Я. Майдачевский // Историко-экономические исследования. — 2015. — Т. 16, № 4. — С. 765-776. — DOI : [10.17150/2308-2588.2015.16\(4\).765-776](https://doi.org/10.17150/2308-2588.2015.16(4).765-776).

Reference to article

Maidachevsky D. Ya. «Monographic» history of Siberian industry by N.N. Kozmin. Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya = Journal of Economic History & History of Economics, 2015, vol. 16, no. 4, pp. 765-776. DOI: [10.17150/2308-2588.2015.16\(4\).765-776](https://doi.org/10.17150/2308-2588.2015.16(4).765-776). (In Russian).